

Ростки октября

Весёлые говорливые воды февраля шли на убыль. На местах, где сильнее бурлило, оказалась теперь уйма всякого барахла.

– Успели зацепиться... Только их и видишь.

– Ишь поют – власть всенародная, а за столом прапора, писаря, да кто им сподручнее. Нашего брата серого совсем не видать. И слова пошли не в пользу. Больше насчёт победы, а нет того, чтобы этой проклятущей войне конец положить...

– Тоже вот совет устроили недавно. Рабочих, солдат и крестьян... Ведь и туда набьются и потянут, куда не надо.

– Как бы смастачить, чтоб надёжно было?

Тяжело ворочается мысль под блинами-фуражками, под облезлыми папахами, в той промозглой серости, которая расплзалась в пространстве, что раньше называлось парадным залом женской гимназии.

Ярко освещён лишь стол, за которым президиум.

Седой щеголевато подстриженный клинышек бороды надоедливо мотается сбоку стола.

Это бывший директор бывшей гимназии докладывает о былых новгородских делах. Связать как-то хочет пыльную старину с тем новым, которого ждут в серой промозглости.

За ним говорит хорошо сложенный и лучше того одетый юноша. Командный голос и ласковые слова о солнце социализма, о братстве народов.

Выходил потом и рабочий. Слова тверже, ближе, понятнее, а все как то не то, что надо.

Сильнее зудят огромные «полковые» блохи, чаще сверкают огненные точки сигарок.

Неожиданно справа заколыхалась серость... пробирается кто-то к столу

В светлом круге определилось: высокий, чёрный угрюмого вида.

– Письмо, товарищи, дозволейте огласить. Из Питера от нашего же солдата... Садофьева Ильи. Во второй роте, помните, был недавно...

Президиум отнесся безразлично, бывший директор накалился.

– Им о вече, о народном праве, а они поклоны читать будут.

Читает спотыкливо. Юноша-докладчик предлагает свои услуги, но чёрный крепко держит письмо. Из серости поддерживают:

– Пуцай сам... Разберёт помаленьку.

И тот разбирает... Доходит до заветных слов, которые так беспокоит тех, что у стола.

– Видел и слышал Ленина. Он здесь устраивает совет рабочих, солдат, крестьянских и батрацкий депутатов.

Последние слова сказаны с особой чёткостью, но всё же на них быстрый отклик.

– Как говоришь?

– И батрацких депутатов, – повторил чтец.

– Вот это дело, отзывается тот же голос, – и сонное настроение собрания сразу исчезает.

Люди от стола пытаются ослабить впечатление, пытаются говорить об измене, о германских деньгах, опломбированном вагоне... Но это уж теперь не так просто.

Из серости один за другим выходят и говорят своё. Говорят властно, требовательно.

– Кто из вас вспомнил о батраках? О чём мусолите – о старинных драках да будущих временах? Сказки для малых ребят сказываете, а он вишь за дело.

– Уж ежели батрака в совет, так видно, такой совет нужен. К чему он поведёт.

Тот, что первый отозвался на слова, вышел сам к столу. Испитой замызганный, он горячо говорит:

– За это самое слово понимаю я т. Ленина, как правильного нашего вождя.

Никому не поверю, кто худое скажет. Не боится потому он серости нашей, как другие.

– Вот хоть бы и рабочий день, и фабрики, чтобы под контроль... Всё это тоже взять надо. Не этими же руками, которые у стола сидят.

– Тоже и про войну. Не писано хоть про неё, а сразу видно, что про победу разговоров не будет.

– Ежели я, скажем, батраком ранее был, так не всё равно мне на какого хозяина работать. Мне устройство нужно, чтобы никаких хозяев не было.

– Воюй кому есть за что, а я не согласен. А за батрацких – умру, ежели с хозяином воевать.

От стола кричат, звонят, но гулко идёт из зала встречный крик:

– Молчать... Сиди тихо, пока не выгнали. Пущай Шашкин говорит.

Бывший директор уж успел слинять. Исчез куда-то и хорошо одетый юноша. К столу подходят и уверенно садятся другие люди, раздвигая прапоров и их поддужных.

Так показались первые ростки Октября в глухом зауральском городишке.

П. Б.